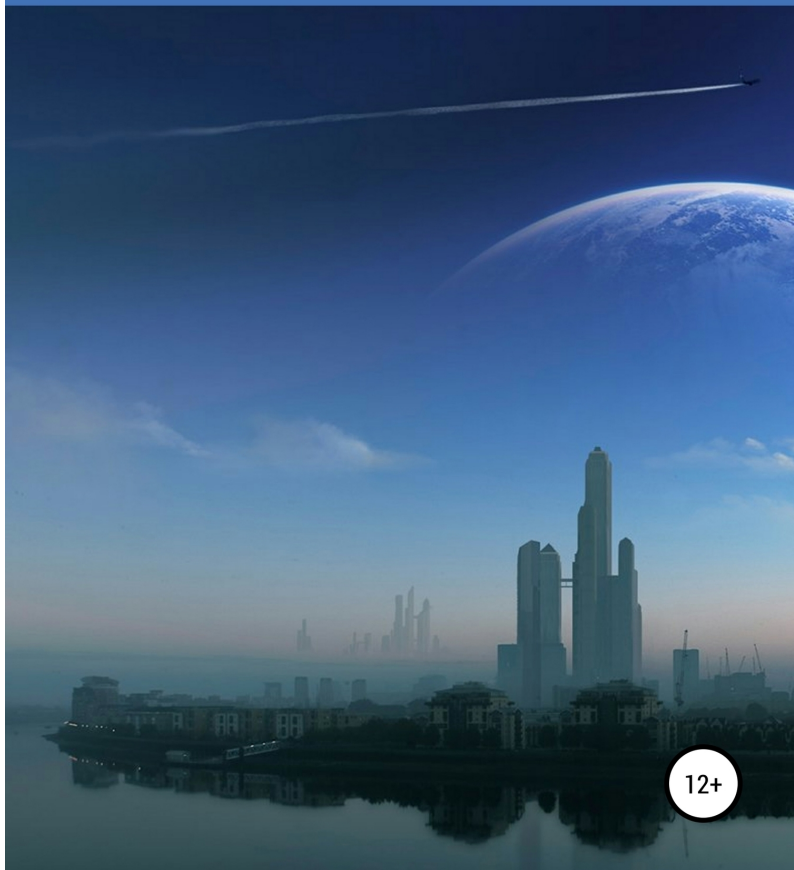

Павел Чук

Момент выбора

12+

Павел Чук

Момент выбора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45162072

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказ писался на заданную тему на конкурс "Будущее время – 2019", но в лонг-лист не вошёл.

Момент выбора

Дверь палаты открылась, и внутрь вошёл облачённый в белый халат мужчина средних лет.

– Добрый день, как ваше самочувствие?

– Благодарю, легче, – не поднимаясь с постели, ответил пациент. Его загипсованное тело лежало на кушетке, рядом с которой располагались медицинские приборы и аппараты.

– Позвольте вас поздравить. Завтра снимаем гипс и... – врач посмотрел на планшет, изучая историю болезни, – как вижу, господин капитан, получили отставку...

– Приказ подписан? – удивлённо спросил пациент.

– Подписан. Разве до вас не довели? – пожимая плечами, удивлённо, ответил мужчина в белом халате. – Через день вам сменят военный модуль МРС на модуль гражданского образца, – врач опять уткнулся в изучение медицинской карты. – Согласно вашим показателям, вам установят модуль класса В4-С, – удовлетворённо закончил он говорить, наблюдая за реакцией подопечного.

– Что это значит? – непонимающе произнёс больной.

– Ах, да. Вы, наверно, не знаете. Всё служба, служба, – раздосадовано покачал головой врач. – Я распоряжусь, чтобы вам принесли планшет с информацией, господин капитан, хотя, если можно, позвольте мне вас называть Виктор

Грэйи, или просто, мистер Грэйи, так легче привыкать к мирной жизни.

– Не «можно», а «разрешите» са... – было заговорил капитан, но замолчал.

– Так-то лучше, – улыбувшись, кивнул врач и вышел из палаты, а теперь уже мистер Грэйи продолжал смотреть на закрывшуюся за врачом дверь. Его, действующего боевого офицера, прослужившего всю сознательную жизнь в вооружённых силах Объединённой Конфедерации Евро-Азиатского континента, ни разу не посещала мысль, что выйдет в отставку, начнёт мирную жизнь.

В возрасте трёх лет он остался без родителей, которые погибли в первые недели разразившейся межконтинентальной войны и его отобрали в число первых, кому установили модуль военного образца. В то далёкое время вживание в мозг требовало от объекта чистого от знаний и умений сознания, потому что модулятор искусственных нейронов не перестраивал, а создавал заданные по образцу новые нейронные связи, формируя мышление в соответствии с критериями установки. Ему, отобранному поступить на военную службу, вживили модуль военного образца, который благодаря прорывному научно-техническому решению создал из него не просто бездумного солдата – машину убийства, которых в первые годы войны широко использовали с обеих сторон, а высококвалифицированного кадрового военного с волей, мышлением, чутьём, качествами личности оптималь-

но подходящими для службы в армии. За долгие годы службы ничего, кроме воинской службы он не знал, не видел и не умел, а теперь ему предстоит неизвестность.

Грэйнд лежал на кровати по пояс в гипсе. Последняя, именно последняя боевая операция казалась, невыполнима, но он исполнил приказ и израненный, с множеством переломов, вернулся с боевого задания, где его ждало неожиданное известие. Капитан лежал, а события, совсем недавно произошедшие с ним, вновь предстали перед его глазами:

– Пациент приходит в себя. Действие наркоза заканчивается.

– Капитан Грэйнд, вы меня слышите? – над больничной кроватью склонился человек в медицинской маске. Больной открыл глаза и рукой судорожно заводил по поясу, казалось, что он что-то ищет. – Не волнуйтесь, капитан, вы в госпитале, вас эвакуировали. Не трогайте гипс!

– Где я?

– Капитан, поздравляю вас с возвращением и успешно выполненным заданием, – в разговор вмешался человек в форме, стоявший чуть в отдалении.

– Что случилось? – непонимающе осматривал помещение капитан.

– Это посттравматический шок и от наркоза ещё не отошёл, – тихо прокомментировал врач на вопрос, застывший в глазах человека в форме.

– Капитан Грэйнд, – заговорил человек в форме, – я пол-

ковник Матиссон. Мне поручено выразить благодарность за успешное выполнение задания и...

– Что со мной? – перебил начавшего свою пафосную речь капитан.

Мимолётный взгляд полковника на врача. Тот мимикой и знаками, дал понять, что пациент пока ещё не отошёл от проведённой операции.

– Капитан, – сменив тон разговора с торжественного на утешительно-дружеский, заговорил полковник, – флайер, на котором вы возвращались, подбили. Вы упали с высоты десятиэтажного дома, но система безопасности, хоть и была повреждена, но сработала – вы остались живы. Посланная эвакуационная группа обнаружила вас без сознания с множеством переломов. Сейчас вы находитесь в Центральном Госпитале Вооружённых Сил. Вам провели операцию, думаю, о лечении и сроках восстановления лучше расскажет лечащий врач, а я, от имени командования и от себя лично, выражаю вам благодарность. Наградные документы направлены в Генеральный штаб, думаю, проблем с их утверждением не будет.

– Служу Объединённой Конфедерации! – через силу ответил капитан, а на его лице появились слёзы радости. Только сейчас он осознал, что находится в госпитале у своих, а не в плену у противника.

– Полковник, пойдёте, – обратился к офицеру военврач, – пациенту необходимо отдохнуть, – видя состояние

подопечного, произнёс медработник.

– Майор, ответьте честно, он встанет на ноги? – выйдя в коридор, заговорил офицер.

– Встанет, не волнуйтесь. Через пару месяцев, может и раньше пациент восстановится, модуль не повреждён и после необходимых тестов вернём его в строй, – не останавливаясь, ответил военврач, увлекая за собой полковника дальше по коридору. Когда они отошли достаточно далеко от палат, военврач остановился и, прищурившись, спросил: «Полковник, не раскроете тайну, когда закончится война?»

– Быстрее, чем вы думаете, – не колеблясь, ответил полковник и, видя удивлённый взгляд военврача, продолжил, – через неделю начнутся мирные переговоры и объявят о перемирии. Предварительные договорённости достигнуты, – всё так же сухо, без эмоций короткими, рубящими фразами говорил полковник, – аналитики считают, что дипломаты придут к единому знаменателю... Война продолжается слишком долго, – произнёс офицер, расслабившись, вытирая платком со лба проступивший пот, – третье поколение растёт, не зная, что такое мирное небо над головой.

– Что будет с... – недоговорив, военврач кивнул в сторону коридора, где располагались палаты. То, что он услышал, казалось таким невероятным и в тоже время желанным.

– Не знаю, – пожимая плечами, ответил полковник, – столько военных в мирное время не нужно. Есть мнение удалить или заменить модули военного образца в первую

очередь, тем, кто после ранения, но об этом рано говорить. Окончательное решение не принято.

– Понимаю, понимаю, – торопливо закивал военврач, – но...

– Без «но», – продолжил без паузы полковник, сделав неоднозначный жест руками, – вы человек военный, не распространяйтесь о том, что сейчас узнали. Офицер предполагал, что хотел спросить военврача, но ответ на вопрос: «Какая жизнь ждёт тех, кому сменят модуль», оставался открытым не только для полковника. С высоты своего опыта он справедливо рассудил, пусть об этом думают те, кто более компетентен в этом вопросе.

Военврач майор Куцевич смотрел вслед уходящему полковнику, но вопрос, оставшийся без ответа, беспокоил его с каждой минутой всё больше и больше. Из специального курса медицинской подготовки он знал, что модуль представляет собой блок искусственно созданных нейронных связей диаметром всего два нанометра, который вводится стереотаксическим методом непосредственно в мозг. Потом, под присмотром врачей проходит сращивание специфичных, необходимых для выполнения узконаправленных задач нейронных связей модуля с нейронами мозга носителя, тем самым, делая обладателя непревзойдённым профессионалом в выбранной области.

Но сейчас, по истечению нескольких десятилетий, обнаружилась странная особенность. Искусственно созданные

нейронные связи возводили обладателя модуля в разряд, считай гения, но практически убрали эмоциональную составляющую и, в большинстве случаев, делали человека неприспособленным к выполнению повседневных бытовых мелочей.

За время продолжительной медицинской практики, Куцевич неоднократно сталкивался с подобным эффектом. Человек с установленным модулем раскрывался в одной из областей знаний, но через некоторое время, иногда проходили годы, иногда пара месяцев, но наступал период, когда его обладатель замыкался в себе, терял интерес к жизни, уходил в свой субъективный мир, отказывался выполнять физиологические потребности, отвергал некоторые инстинкты и социальные нормы, будь то приём пищи, сон или переставал следить за своим внешним видом. Изначально современная медицинская наука не относила данное отклонение к устанавливаемому модулю, списывая на недочёты процесса, но с совершенствованием технологии и самого прибора подобные случаи участились и, в большинстве случаев, фиксировались среди узконаправленных профессионалов: военных, инженеров, конструкторов, аналитиков, то есть тех, кто подвергался запредельным психологическим и умственным нагрузкам.

Военврач остановился у входа в свой кабинет, окинул взглядом длинный коридор. Под наблюдением в госпитале находится примерно сорок процентов пациентов именно с

подобными симптомами. Что станет с теми, кто не в состоянии самостоятельно обслуживать себя, поможет ли им замена модуля? Вариант с деактивацией или его удалением военврач и не рассматривал, за прошедшие годы слишком много революционного, прорывного принесла установка модулятора сознания, как в медицине, науке, технике, машиностроении и отказываться от признанного двигателем прогресса модуля, считается неразумным.

***

– Капитан, вы меня слышите? Не открывайте глаза, потерпите, – согнувшись над пациентом, чётко выговаривая каждое слово, произносил военврач Куцевич.

– Слышу, – ответил пациент.

– Очень хорошо, поздравляю. Операция по удалению модуля прошла успешно, а через пару дней вам установят гражданский образец. Сейчас лежите, не вставайте, вам надо отдохнуть, восстановиться.

Капитан лежал на больничной койке. Удаляющиеся шаги стихли, и он остался в палате один. Грэйн знал, что поступил приказ сменить род деятельности – его отправили в отставку. Ни страха, ни терзаний, ни мыслей, что он стал не нужен, у него не было. Ему, военному человеку, отдавшему все сознательные годы жизни службе Отечеству, и в голову не приходило послушаться приказа, пусть этот приказ и непонятен для него, но это приказ. Сейчас он лежит и с каждой секундой в нём всё отчётливее назревает неизвестное ранее

желание: открыть глаза, встать, пройтись по палате и уйти куда-нибудь далеко, куда глаза глядят, но это значит ослушаться приказа.

«Что со мной?» – непривычная, обжигающая сознание мысль пришла на ум. Он не в силах противостоять желанию, но приказ...

Капитан открыл глаза. Матово-белый потолок, приглушённое естественное освещение проникает через большое окно, причудливо играя лучами солнечного света бликуя от металлических поверхностей медицинских приборов. Лёжа на больничной койке Грэйн любуется завораживающим танцем солнечных зайчиков, которые бегают по потолку, словно играя в салки. На его лице промелькнула улыбка. Это и есть «счастье»? Радоваться каждому дню, новому опыту, новым переживаниям. За долгие годы своей жизни он никогда не испытывал этого чувства и капитан, повинувшись неведомой силе, приподнялся, сел на кровать. Голова закружилась. Он долгое время провёл прикованным к постели, а сейчас он знает, чувствует, а самое главное, желает встать на ноги, но мысль о том, что тем самым нарушит приказ, не посещает капитана но это его и пугает.

Страх. Виктор Грэйл – модифицированный боевой офицер никогда не испытывал это чувство, страх для него это инстинкт самосохранения, помогающий выжить в критических ситуациях, в которые ему приходилось неоднократно попадать во время выполнения боевых операций.

Лёгкая дрожь в коленях, неуверенные движения. Капитан встал с кровати, сделал один шаг, второй. Чувство победы над собой придало сил. Ещё шаг. Облокотившись на подоконник руками, капитан прильнул к стеклу. За окном, по ту сторону больничной палаты кипит жизнь. Взгляд капитана мелькнул по пациентам в больничных халатах, неторопливо шагающим по ухоженным дорожкам, группе людей сидящим на лавочке и мирно беседующих друг с другом, а чуть вдалеке, пара ребятишек под присмотром взрослой девушки весело бегают вокруг детской горки. Взгляд задержался на воспитательнице: милая девушка на вид тридцати лет длинные светлые волосы ниспадали до плеч, внимательным взглядом она сопровождала своих подопечных, не вмешиваясь в их озорную игру.

Грэйн застыл заворожённый. Он не привык, не знал, что существует другая сторона жизни: без строго следования приказам, исполнению устава, без ежедневных тренировок, без каждодневной борьбы за жизнь, когда не надо прятаться, скрываться от противника, когда всего лишь миг отделяет, будешь жить, или всё-таки успеешь и первым ликвидируешь врага. Голова вновь закружилась от нахлынувших неведанных ранее чувств, которые, будучи модифицированным военным он не испытывал. Эти новые ощущения пьянили своей новизной, теплотой переживаний и, пугали неизвестностью. Капитан посмотрел в окно. Девушка с ребятишками покинула игровую площадку, и не торопясь шла вместе с

подопечными, приближаясь к зданию госпиталя.

«Дети... Почему в военном госпитале дети?» – появилась давно напрашивающаяся мысль, но ответ на поставленный самому себе вопрос капитан так и не нашёл. Шаг, ещё один, второй, третий. Перед его лицом дверь, ещё один шаг и он без приказа покинет палату. Секунды колебания, капитан протянул руку и дверь распахнулась. Шаг, и он в коридоре.

Влекомый неизвестным чувством он идёт, осматриваясь по этажу. Лифт. Спуск вниз – первый этаж. Светлый холл. Большие прозрачные двери распахиваются, пропуская внутрь женщину, держащую за руки двух ребятишек. Один из них вырывается и бежит к лифту, но споткнувшись, растягивается на скользком полу.

– Не плачь, солдат. Вставай, – капитан Грэй протянул парнишке руку, помогая подняться.

– Кристиан! С тобой всё в порядке? Не ушибся? Руки, ноги не болят, как голова, не тошнит? – подбежала женщина.

– Нормально, – сдерживая слёзы, ответил парнишка, потирая ушибленный локоть.

– Извините господин офицер, не уследила, – обращаясь к мужчине, произнесла женщина, – меня зовут Ирэн, я воспитатель, – и, озираясь по сторонам, чуть тише добавила, – если можно, не докладывайте начальнику о происшествии.

Грэйн ничего не ответил, только кивнул. Женщина с подопечными вошла в лифт и створки закрылись. Капитан приклонился к колонне. Пожалуй, первый раз в жизни он не

знал, что делать. Совсем недавно ему не приходилось самостоятельно выбирать, только исполнять приказ, а как он его выполнит, это да – его модифицированный мозг, приспособленный к работе в экстремальной ситуации, не давал сбоев, но сейчас капитан в растерянности. Смотря, как рядом с ним проходят, иногда кивком головы обозначая приветствие люди в однотипных, как у него халатах, его не покидало ощущение одиночества, он думал о девушке по имени Ирэн. Своим тихим, но строгим, приятным тембром голоса она не отпускала его из своих объятий очарования.

– Господин офицер, вы ещё здесь, – услышал Грэйнд голос, ставший за эти несколько минут настолько дорогим, но одновременно далёким, что он вздрогнул от неожиданности. – Я не успела вас поблагодарить. Кристиан мальчик хороший, но ему ещё не установили модуль, потому что возникли сложности с тестированием на профессию, а сами знаете, что без него невозможно раскрыться как личность. Он не понимает некоторых вещей и иногда не слушается. Ещё раз прошу извинить меня, не доглядела, хотите, я с вами прогуляюсь немного. Мне необходимо в корпус «В» – это недалеко.

Всю дорогу Ирэн не унимаясь болтала, а Грэйнд с упоением слушал её, иногда не понимая о чём она говорит.

– Господин офицер, мы пришли. Если хотите, посидите на лавочке, подождите, я буквально на полчаса зайду, а потом провожу вас.

Грэйнд молча кивнул. Он не знал как вести себя с проти-

воположным полом, о чём говорить и главное, опасался своими неуклюжими действиями оттолкнуть завязавшееся общение. С непривычки долго находиться на ногах ему трудно, но он держался и, стиснув зубы, шагал за приглянувшейся девушкой, но усталость берёт своё. Последние метры дались тяжело, видимо Ирэн это заметила и предложила ему посидеть, отдохнуть.

Девушка убежала, а капитан устало уселся на лавочку, растёр ещё не окрепшие от долгого лежания мышцы ног.

– Ничего, скоро восстановлюсь. Буду ходить, бегать как раньше, – думал капитан, но неожиданно его размышления привели к нерадостному заключению, – раньше, это как? Вернуться на службу не получится – его отправили в отставку. Модуль военного образца удалён и скоро сменят на гражданский образец, но кем он станет на «гражданке», кому он нужен, чем займётся? Он не знал особенностей вживляемого модуля, это ему не нужно. Только осознавал, что также как было, не будет. Сейчас он радуется солнечному свету, радуется, что остался жив, его интересуется противоположный пол, хотя, будучи модифицированным военным, он и не помышлял о таких мелочах.

– Мистер Грэйнд, как вы тут оказались, вам лежать надо! – неожиданно появился Куцевич. Капитан хотел подняться, но мышцы ног предательски подвели и он не смог встать с лавочки, – сидите, сидите. Вам рано ещё ходить, – недовольно произнёс военврач и уселся рядом с подопечным.

– Смотрите, хорошо выглядите, – продолжил Куцевич, внимательно осмотрев пациента, – прогулки вам на пользу.

– Благодарю, господин военврач, – по-уставному ответил Грэйи.

– Бросьте, капитан, привыкайте к мирной жизни. Вам скоро откроются новые возможности, новые грани многообразной жизни без ежедневных стрессов, тренировок и боевых выходов. Войне пришёл конец.

– Господин майор, – заговорил капитан, когда военврач собрался встать с лавочки, – разрешите вопрос.

– Спрашивайте, – ответил Куцевич, обратно усевшись рядом.

– Что меня ждёт, какой модуль установят, кем я стану? – на одном дыхании выпалил Грэйи.

Куцевич задумался: «И вправду, что ждёт таких, как Грэйи, которых десятки тысяч только в госпитале ожидает смену модуля. С характеристиками и спецификацией нового, гражданского образца военврач ознакомился, но сможет ли модуль, не сломав личность пациента, изменить мышление с уклона на военную составляющую, поможет ли интегрироваться в мирную жизнь и, каково время реабилитации, какие побочные эффекты».

– Слишком много вопросов, – после паузы ответил военврач. Он так и не нашёл результатов клинических испытаний замены модулятора сознания и последствий кардинальной смены мышления пациента. Из-за этого и откладывал опе-

рации по смене модуля, боясь непредсказуемых эффектов, а приказ свыше так и не поступал. Повышая мозговую активность в одной сфере деятельности, со временем модуль забирал недостающие ресурсы головного мозга, лишая носитель основополагающих рефлексов и инстинктов, делая его уязвимым и нежизнеспособным, а к чему приведёт смена приоритетов, устоявшегося уклада жизни для сотен тысяч, которым предстоит пройти процедуру.

Куцевич поднялся и молча пошёл в сторону главного корпуса госпиталя. Грэйнд сидел, смотрел ему вслед, не понимая, почему тот не ответил на его вопросы, которые, так сильно волновали, наверно, не только его одного.

Военврач шёл по тропинке, всматриваясь в лица проходивших мимо пациентов госпиталя. Среди них попадались и те, которым удалили модуль военного образца и они ожидали своей очереди на замену. Только сейчас Куцевич обратил внимание на их лица, они изменились, как бы просветлели. Напряжённый, тяжёлый взор у некоторых сменился спокойным, уверенным. У некоторых, появилась искорка в глазах, выражая жажду жить и радоваться жизни.

– О чём задумался? – вывел из мысленных блужданий голос полковника Матиссона.

– Будете смеяться, но о пациентах, – натягивая на лицо дежурную улыбку, ответил военврач.

– Когда начнёте смену модулей, – перешёл на строгий тон полковник, – согласно отчёту, не менее одному проценту от

запланированного уже удалили модуль, но никому не установили, вроде, реабилитационный период закончился.

– Вы правы полковник. Приказ на плановую установку модуля не поступил, а сами знаете, я человек военный, без приказа не могу рисковать жизнями вверенных мне пациентов, – так же холодно ответил Куцевич.

– Не ерепенься. Какой приказ ещё нужен, план утверждён, гражданские модули получены, методика, как знаю, отработана.

– В том то и дело, что методика не отработана, – военврач, было хотел рассказать, что в узкоспециализированной базе данных он так и не нашёл результатов клинических испытаний новой методики, но не стал, – пойдёмте, полковник, лучше это увидеть, чем много раз услышать, – и он увлёк не сопротивляющегося офицера за собой.

– Кто это? – Матиссон, сквозь прозрачный односторонний экран смотрел на больных в палате, где согласно аббревиатуре медицинского блока, находятся тяжелобольные с отклонениями после побочного эффекта от использования модуля. Они выглядели не так, как он за годы службы привык их видеть: сидящих, лежащих в неправдоподобных позах, или безвольно измеряющих шагами пространство палаты. Внутри трое сидели за столом и что-то азартно двигали, вероятно, играли в какую-то незамысловатую игру, двое лежали, что-то листали, а один, прислонившись к окну, стоял, не шевелясь, с интересом рассматривая происходящее по ту сто-

рону, иногда произносятся какие-то комментарии, от которых другие обитатели начинали смеяться.

– Это, – с довольным видом произнёс военврач, – те, которым извлекли модуль самым первым. Мы апробировали процедуру на тяжелобольных, тех, кто не мог говорить, самостоятельно обслуживать себя. А сейчас, посмотрите, реакция мозга на удаление модуля поразительна. Не скажу, что они стали полноценными членами социума, но, сами видите, результат положительный.

– Докладывали по инстанции? – не веря своим глазам, спросил полковник.

– Нет, думал с вами посоветоваться и, разве сами не замечали изменения среди прогуливающихся пациентов, думал, у вас взгляд намётан, – уколол полковника военврач.

– Замечал, – задумчиво произнёс Матиссон, – но, думал, это так восприняли известие об окончании войны, но эйфория от заключения мира пройдёт и предстоит долгая работа.

– Соглашусь с вами. Но, господин полковник, подумайте, зачем тратить ресурсы, тратить время, калечить человеческие жизни для новой установки модуля, если природа сама возьмёт своё. Во время войны узкоспециализированные модуляторы сознания сделали своё дело, не дали погибнуть цивилизации...

– Вы говорите, как политик, – перебил полковник.

– Возможно, но давайте помечтаем. Если мир без войны продлится хотя бы пару поколений, то необходимость

в установке модулей отпадёт окончательно, я понимаю, что разработка новых образцов будет продолжаться, как-никак безопасность превыше всего, но массовая установка модуляторов должна уйти в прошлое, – военврач произнёс эти слова дрожащим голосом, выговорить их удалось с трудом, но сформированное за десятилетия мнение о необходимости повсеместного применения модуляторов, укрепившееся в сознании за годы практики всё-таки дало трещину.

– А как быть с прорывными изобретениями, открытиями? Не секрет, что они все сделаны обладателями модуля, – возмутился полковник.

– Вспомните, – военврач, пристально посмотрел на офицера, – модуль изобрёл академик Лебедев и ни для кого не секрет, что у него никогда его не было, хотя, он прожил долгую жизнь и творил, создавал, не переставая до конца своих дней.

Пауза затянулась. Полковник смотрел, то на пациентов в палате, то на военврача, то погружался в размышления. Было «слышно», как он думает.

– По своим каналам, – нарушив молчание, произнёс полковник, – я доложу по инстанции, но с вашей стороны, прошу, именно прошу, подготовьте материал с примерами, обоснованием. Привлеките именитых специалистов и составьте заключение по описанной проблематике, – деловым тоном продолжал говорить Матиссон, – возможно, вы правы. К зарождающейся мирной жизни необходим новый подход,

но сами понимаете, решение принимать не нам.

– Понимаю, полковник.

Через пару месяцев военврач, в составе комиссии, вёл рутинный приём пациентов.

– Мистер Грэйнд, как себя чувствуете? – улыбаясь, спросил Куцевич.

– Отлично! – ответил капитан в отставке, хлопнув рукой по ноге, – кости срослись, мышцы окрепли, сейчас могу и марш-бросок пробежать.

– Марш-бросок не надо. Смотрю, – военврач уткнулся в изучение личной карточки пациента, – вы прошли переподготовку на гражданскую специальность, не скажите, почему выбрали педагогику?

После вопроса офицер, награждённый боевыми наградами, принимавший участие не в одной специальной операции, замялся как ребёнок и покраснел, потупив взгляд. Куцевич не ожидал такой реакции на обыденный вопрос, который задавал всем перед выпиской, надеясь понять, чем, в прошлом солдат, руководствуется при выборе гражданской профессии. Ведь его предложение не переустанавливать модулятор сознания, при поддержке полковника Матиссона и ряда высших офицеров, прошло одобрение и официально принято решение о постепенном уходе от их использования в мирной жизни. И сейчас он, вместе с коллегами, готовит к выписке первую сотню бывших военнослужащих прошедших переподготовку.

– Не хотите, не отвечайте, – хмуро произнёс кто-то из состава комиссии. – Ещё вопросы есть? Если нет, пригласите следующего, думаю, что мистер Грэйн восстановился после ранения, прошёл реабилитацию, и нет оснований держать его в лечебном учреждении.

Грэйн вышел из кабинета, закрыл за собой дверь.

– Как прошло? – подошла Ирэн, – выписали?

– Выписали. Сегодня после обеда оформят документы и...

– И мы пойдём в школу, где нам предстоит работать.

– Нам?

– Да, – Ирэн прильнула к Виктору, – я договорилась о переводе, – и чуть тише добавила, – ты же не против, что будем учить детишек вместе, я вести занятия в начальных классах, а ты физическую подготовку.

Виктор обнял девушку. Пожалуй, первый раз в жизни он с радостью воспринял слова, прозвучавшие как приказ. Невроятное чувство нахлынуло на него. Ему хотелось кричать, прыгать в безумном танце, но на его лице проступили слёзы радости. Наступала новая жизнь. Жизнь, в которой нашлось место не только бывшему модифицированному военному, но и тем, кто по разным причинам не перенёс последствий установки модулятора сознания.

Куцевич смотрел вслед уходящей паре: мужчина и женщина идут по аллее в сторону выхода. Мужчина остановился, обернулся и по-военному отдал честь. В ответ военврач

сдержанно кивнул, но на его лице промелькнула улыбка. Он смог, он добился, он доказал, что необходимость в тотальной установке модулятора сознания отпала, и теперь не только ему предстоит долгая и кропотливая работа, но военврач верил, что надвигается новая эра, которая неумолимо и беспощадно отсечёт всё лишнее и сформирует зачатки для следующего шага в эволюции человеческого сознания.

июль 2019